

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	8
Часть 1. Революция: великое переселение	14
Глава 1. На перепутье	15
Глава 2. Триумф и трагедия Исторического музея	22
Глава 3. Битва за шедевры	36
Глава 4. Спас на крови	47
Часть 2. Индустриализация: все на продажу!	61
Глава 1. Золотая лихорадка	62
Глава 2. Третьяковская галерея: начало	68
Глава 3. Тем временем в Историческом музее	78
Глава 4. Ликвидация Государственного музейного фонда.	97
Глава 5. Сколько икон было выдано на продажу из советских музеев	119
Глава 6. В «Антиквариате»	126
Часть 3. Красные передвижники: первая советская выставка икон на Западе	135
Глава 1. Создать моду на русские иконы!	136
Глава 2. Скандал в Москве	156
Глава 3. Восторги и проклятия	174
Часть 4. Дело о продаже икон с выставки	194
Глава 1. Запутанная история	195
Глава 2. Разведка: Берлин, Кельн, Гамбург, Мюнхен, Вена	198
Глава 3. Начало наступления: Лондон	205
Глава 4. Американское турне: продать выставку!	223
Глава 5. Детективная история	243
Глава 6. Почему распродажа не состоялась	250

Часть 5. После выставки	267
Глава 1. Бартер в Третьяковской галерее	268
Глава 2. О ценах на иконы	278
Глава 3. Коллекция Ханна и скандал в доме «Кристи».	282
Глава 4. Посол Джозеф Дэвис и его коллекция: мифы и реальность	296
Часть 6. Закрома «Антиквариата»: истории икон	323
Рассказ первый. «Святые Макарии»	324
Рассказ второй. Врезки-близнецы	325
Рассказ третий. Таинственный синдикат	333
Рассказ четвертый. «Чин с голубым фоном»	339
Рассказ пятый. «Страшный суд»	343
Рассказ шестой. «Чудо св. Георгия о змие»	345
Рассказ седьмой. «Праздники» из Гостинополя	348
Заключительная глава. Создание мирового антикварного рынка древнерусского искусства	352
Послесловие. Русские иконы в музеях мира: состоялось ли признание?	359
Приложение 1. Динамика ликвидации иконного отдела ГМФ, Москва, 1927–1928 (в соответствии с актами выдачи и финальным отчетом)	363
Приложение 2. Полный состав первой советской зарубежной иконной выставки, 1929–1932	364
Приложение 3. Происхождение икон, выданных из Третьяковской галереи в «Антиквариат», 1928–1936	377
Участники событий. Иконописцы, собиратели икон, хранители музейных коллекций, искусствоведы, чиновники, посредники, продавцы и покупатели	383
Библиография	411

Вокруг иконы.

Павел Муратов

Страшная история России
Вся прошла перед Твоим Лицом.

Максимилиан Волошин.
Владимирская Богоматерь

Вступление

Дорогой читатель!

В 2018 году в издательстве «Новое литературное обозрение» вышла моя большая научная монография «Небесная голубизна ангельских одежд. Судьба произведений древнерусской живописи, 1920–1930-е годы». За короткий срок существования монография выдержала два издания и в 2019 году принесла мне звание лауреата Макариевской премии. Судя по письмам, которые приходят мне, книга выполнила свою миссию — она предоставила новую информацию историкам, искусствоведам и музейным работникам и помогает им в их собственных исследованиях. Я благодарна всем, кто откликнулся на мой труд.

Еще во время работы над научной монографией я мечтала, что сделаю ее небольшую популярную версию для более широкой аудитории. С выходом этой книги в серии «Что такое Россия» моя мечта осуществилась. Данное издание содержит все главные выводы моей научной монографии, но не «отягчено» многочисленными таблицами, длинными приложениями, детальными и многостраничными сносками на архивные и опубликованные источники. Тех читателей, которых интересует эта сторона научного исследования, я отсылаю к своей большой книге «Небесная голубизна ангельских одежд».

Эта книга — о судьбе и странствиях икон в Советской России и за рубежом в послереволюционные десятилетия. Книга рассказывает об истории музеев — созданных и уничтоженных, о людях (к одним из них судьба отнеслась благосклонно, к другим — безжалостно), о том, как было создано и ликвидировано грандиозное иконное собрание Государственного музейного фонда, кто и как отбирал иконы на экспорт, сколько икон отдали на продажу российским музеям, были ли проданные иконы фальшивками, о том, как красные купцы Госторга и «Антиквариата» создавали на Западе спрос на иконы — в то время еще малоизвестный миру антикварный товар, а также о том, какая судьба ожидала иконы после продажи. В книге есть поистине детективные сюжеты — например о том, как «Антиквариат» пытался продать в США первую советскую иконную выставку, где были представлены шедевры иконописи из российских музеев.

По профессии я не искусствовед и не историк искусства, поэтому моя книга — сугубо историческое исследование. К иконам меня, социально-экономического историка, привел интерес к советской индустриализации, а точнее к тому, как СССР оплачивал этот дорогостоящий и амбициозный проект. Одним из экстраординарных источников финансирования индустриализации были магазины Торгсина, о которых я написала две книги*. В голодные годы первых

* *Осокина Е. Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2021 (2-е изд.); Осокина Е. Алхимия советской индустриализации: Время Торгсина. М., 2019.*

пятилеток Торгсин продавал иностранцам и советским гражданам продукты и товары в обмен на иностранную валюту, царский золотой чекан, бытовое золото, серебро и другие ценности. Торгсин позволил миллионам советских людей выжить, а правительству — собрать средства, чтобы купить иностранное оборудование для промышленных гигантов рождавшейся советской индустрии. Продажа произведений искусства из российских музеев на рубеже 1920–1930-х годов, включая экспорт икон, стала еще одним экстраординарным валютным источником обеспечения индустриального рывка. Таким образом, книга об иконах стала логичным и даже закономерным результатом моих предыдущих социально-экономических исследований.

Эта книга — вклад историка в изучение бытования музейных и частных иконных коллекций в России и за рубежом, но более всего вклад в изучение той роли, которую сыграли советская индустриализация и политика сталинского руководства в создании мирового антикварного рынка икон. За редким исключением иконы, о которых рассказано в этой книге, — русские. Их писали мастера Русского Севера, новгородской, псковской, московской и других русских школ иконописи. На продажу они были выданы из русских музеев Москвы, Ленинграда, Новгорода, Вологды, Ярославля...* В то время как Запад знал византийские

* На продажу выдавали не только русские иконы и не только из русских музеев. Произведения религиозного искусства в музеях Украины, Белоруссии и других республик СССР не избежали этой печальной участи, но этот сюжет остается за рамками моей книги. Он ждет своих исследователей.

иконы — проходили выставки и аукционы, русские иконы представляли неизвестное искусство и новый художественный товар. Один из наиболее интригующих парадоксов истории, как показывает эта книга, состоит в том, что отцы-основатели «*нерыночной*» государственной централизованной экономики стали основателями мирового *рынка* русских икон. Их усилиями был собран колоссальный экспортный иконный фонд, проведена грандиозная рекламная кампания — первая советская зарубежная иконная выставка, которая во всем великолепии представила миру малоизвестный антикварный товар, установлены связи с западными антикварами и организованы продажи коллекций икон за рубеж. Советским правительством двигала не любовь к искусству, а валютная нужда, но результатом этой деятельности стало если не зарождение, то несомненное развитие мирового интереса к русской иконе, появление новых коллекционеров и антикваров, готовых покупать и продавать эти произведения искусства. Невольные посланцы и заложники советской индустриализации, иконы из сталинского экспортного фонда пополнили частные и музейные собрания в России и за рубежом, и в наши дни они нет-нет да и появляются на аукционах мира.

Книга написана на основе огромного материала, собранного автором в архивах России, Европы и США. Некоторое представление об архивной работе дает библиография в конце книги. Там же читатели найдут и краткие биографии людей, которые упоминаются в книге (при первом появлении в тексте их имена

выделяются курсивом). Этот далеко не полный список ошеломляет. Даже в столь небольшой книге краткое перечисление имен людей, вовлеченных в процесс создания, собирания, изучения, продажи и покупки икон, заняло пару десятков страниц. А сколько еще имен осталось за рамками этого исследования!

Одно из самых больших удовольствий в работе над книгой — это встречи с людьми. Всем, кто помог мне написать эту книгу, хочу сказать огромное спасибо за неравнодушие, за время, оторванное от собственной работы и отдыха. Без вашей щедрой помощи многие страницы в книге остались бы пустыми, многие важные выводы не были бы сделаны. Орбита этого исследования огромна, она простирается от необъятной России в Европу и далеко за океан, в Америку. Столь же огромен и круг людей, которые заслуживают благодарности. В предисловии к своей научной монографии я постаралась не забыть никого из них. С удовольствием благодарю всех этих людей еще раз. В работе над этим изданием книги ценные замечания сделал историк Москвы Валерий Анатольевич Любартович.

Моя неизменная признательность — книжным издателям, и в первую очередь «Новому литературному обозрению» и Ирине Дмитриевне Прохоровой. Это уже пятая наша совместная книга. Редактором всех моих книг, изданных в НЛЮ, является Татьяна Тимакова. Работать с ней — всегда удовольствие.

Первым эпиграфом к этой книге стало название работы Павла Муратова «Вокруг иконы». Оно точно

отражает суть исследования, главным героем которого является икона. Именно икона создает здесь центр притяжения действий власти, музейных работников, торговцев и покупателей. Второй эпитаф — строка из поэмы Максимилиана Волошина «Владимирская Богоматерь» (1929), посвященной исследователю икон Александру Ивановичу Анисимову. Перефразируя слова Волошина, можно сказать, что перед ликами, запечатленными на иконах, о которых рассказывает эта книга, прошло немало трагических событий истории России.

Часть 1. РЕВОЛЮЦИЯ: ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Русская революция была временем великого переселения произведений искусства. После того как советская власть объявила художественные ценности народным достоянием, их возами, подводами, а то и вагонами стали свозить из разоренных дворцов, усадеб, поместий, церквей, монастырей, частных особняков и квартир в московские и петроградские музеи. Ящики, коробки и тюки с национализированным художественным имуществом молодой республики до предела заполнили запасники и подвалы, а зачастую и экспозиционные залы Эрмитажа, Русского и Исторического музеев, Третьяковской галереи, Оружейной палаты, а также хранилища только что созданного Государственного музейного фонда, занявшего бывшие частные особняки. Невольными странницами стали и русские иконы. Много их погибло в перипетиях революции, но десятки тысяч были спасены усилиями интеллигенции и оказались в хранилищах государственных фондов и музеев.

ГЛАВА 1. НА ПЕРЕПУТЬЕ

Зубаловский фонд. Рождение советских музеев. Кипение жизни в Мертвом переулке. «Распыление» частных коллекций. Какой музей станет главным иконным хранилищем страны?

Наиболее ценные частные собрания икон после революции перешли в собственность государства. Одна из лучших в начале XX века коллекция икон промышленника *Степана Павловича Рябушинского*, оставленная владельцем, спешно уехавшим за границу, сразу поступила в Государственный музейный фонд, как и брошенное собрание икон князя *Сергея Александровича Щербатова*. Наследники, жена и сын, фабриканта *Льва Константиновича Зубалова* во время революционных событий осени 1917 года пожертвовали его коллекцию икон Румянцевскому музею. Коллекция находилась в Москве в доме № 6 по Садовой-Черногрязской улице, когда-то купленном Зубаловым у железнодорожных магнатов фон Дервизов. Вначале особняк получил статус филиала Румянцевского музея, но вскоре был превращен в главное хранилище Государственного музейного фонда. Сюда, в так называемый зубаловский фонд, со временем были свезены тысячи икон из других частных собраний и учреждений. Исключительное собрание художника *Ильи Семеновича Остроухова* стало Музеем иконописи и живописи на правах филиала Третьяковской галереи. Оно оставалось в собственном доме Остроухова в Трубниковском переулке (ныне это здание принадлежит

Государственному музею истории российской литературы имени В. И. Даля). Коллекция *Алексея Викуловича Морозова*, помимо икон включавшая собрание русского фарфора, гравюр и литографий, а также табакерки и старое русское серебро, после национализации превратилась в Музей-выставку русской художественной старины. Одновременно советская власть открывала в районах Москвы Пролетарские музеи для художественного просвещения масс. Так, в экспозиции 1-го Пролетарского музея, открытого в 1918 году к годовщине революции, выставлялась старообрядческая моленная *Рахмановых*. Несколько сотен икон находилось в экспозиции Пролетарского музея Рогожско-Симоновского района на Гончарной улице. После его закрытия иконы поступили в «зубаловский фонд», а оттуда позже были распределены между музеями и торговой конторой «Антиквариат», которая продавала произведения искусства за рубеж. Бывшие владельцы коллекций, например И. С. Остроухов, А. В. Морозов и Л. Л. Зубалов в Москве, *Н. П. Лихачев* в Петрограде, *В. Н. Ханенко* в Киеве, вначале исполняли обязанности директоров-хранителей своих коллекций-музеев. Так, Алексей Викулович Морозов жил при собрании, расположившись в двух комнатах в новоиспеченном музее в своем бывшем особняке во Введенском переулке. Он сам занимался описанием коллекции, вероятно собственноручно писал инвентарные номера и клеил этикетки нового музея на свои иконы. А Николай Петрович Лихачев, который продал свое

собрание икон Русскому музею еще до революции, до 1930 года выполнял обязанности заведующего Музеем палеографии АН СССР, созданным на основе его грандиозного собрания исторических документов.

Национализированное иконное богатство находилось в ведении Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР, или, коротко, Музейного отдела, которым вначале недолго заправлял *Игорь Эммануилович Грабарь*, а затем *Наталья Ивановна Седова*, жена Льва Троцкого. С лета 1918 года в течение более трех лет Музейный отдел находился в доме № 9 в Мертвом переулке в Москве (ныне здание посольства Дании). До революции в этом доме жила знаменитая красавица, воспетая поэтами, писателями и художниками, Маргарита Кирилловна Морозова, урожденная Мамонтова, жена московского фабриканта, мецената и коллекционера русской и европейской живописи Михаила Абрамовича Морозова. Она и после революции оставалась жить в этом особняке, но теперь уже в подвале.

Эмиссары Музейного отдела спасали произведения искусства по всей разоренной стране, вывозя их из усадеб, церквей и монастырей в хранилища Музейного фонда, вели их регистрацию и распределяли по музеям. В особняке в Мертвом переулке побывало немало художественных и исторических ценностей. Реставратор и искусствовед Н. Н. Померанцев вспоминал события тех лет:

Несмотря на мрачное название переулка, где мы размещались, отдел музеев напоминал шумный, жужжащий пчелиный улей. И уж никак не походил на канцелярию! С утра до вечера в нем толкались художники и антиквары, писатели и музейные работники, хлопотавшие о коллекциях фарфора, артисты, имеющие ценные собрания картин, вроде балерины Большого театра Е.В. Гельцер, другие люди. Тут можно было встретить и монаха из далекого северного скита, и старца из Оптиной пустыни, московских старообрядцев, пекущихся о древних иконах и старопечатных книгах. И, конечно, масса ходоков с самых отдаленных концов страны — учителей, заведующих новыми музеями, работников только что организуемых на местах отделов народного образования, представителей ревкомов, волостных и уездных Советов, даже чрезвычайных комиссий, которым приказывалось «принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния»...

Национализация произведений искусства и концентрация шедевров в главных государственных музеях давала уникальные возможности, но и таила вполне реальные опасности. Благодаря национализации стало возможным раскрытие чудотворных икон, без чего нельзя было бы увидеть и изучать древнюю живопись, скрытую под более поздними поновлениями и загрязнением. Такое разрешение можно было получить лишь от советской светской власти, церковь

не дала бы на это согласие. Однако национализация и перемещение такого огромного количества ценностей в период революционного хаоса, насилия и воинствующего атеизма были связаны с огромными потерями и порчей художественных произведений. Даже поступление в ведущие музеи не гарантировало сохранности. Музеи задыхались от недостатка площадей; документы описывают ужасы хранения в порой не приспособленных для этого битком забитых помещениях. Кроме того, теперь собственником всего этого художественного богатства стало государство, которое могло распоряжаться им по своему усмотрению и в своих интересах.

Сконцентрировав львиную долю художественного достояния страны в нескольких крупных музеях и хранилищах Государственного музейного фонда, советская власть затем начала процесс сложного и затянувшегося на годы перераспределения ценностей. Коллекции дробились и обезличивались: наиболее ценное поступало в центральные музеи, причем произведения искусства могли переходить из одного музея в другой; драгоценности уходили в Гохран, менее ценное поступало в провинциальные музеи или Госфонд для продажи через антикварные магазины. Иконы не избежали этой участи, они тоже оказались втянуты в сложный процесс централизации и перераспределения. Так, после преобразования Музея русской художественной старины в Музей фарфора началось странствование икон А. В. Морозова. Через Музейный фонд часть

их была распределена по музеям, другие проданы. В 1920-е годы были расформированы собрание икон Румянцевского музея и зубаловская коллекция. Более счастливой оказалась судьба иконного собрания И. С. Остроухова. По смерти бывшего владельца в 1929 году Музей иконописи и живописи был закрыт. Его здание предназначалось под студенческое общежитие, но впоследствии было признано непригодным для этой цели. Музей скоропалительно расформировали, однако иконное собрание избежало распыления и в основном поступило в Третьяковскую галерею.

Впрочем, вначале вовсе не Третьяковская галерея стала главным местом концентрации шедевров иконописи. Этот факт может вызвать удивление у наших современников, которые привыкли считать ее лучшим мировым собранием древнерусского искусства. Однако после революции претендентов на роль главного иконного музейного хранилища хватало. Прекрасные и в большинстве случаев гораздо более значимые, чем в то время у Третьяковки, коллекции икон имели и Русский музей, в котором оказалось богатое собрание Н. П. Лихачева, и Исторический и Румянцевский музеи, и Музей иконописи и живописи с собранием Остроухова, и Музей русской художественной старины с собранием А. В. Морозова, а также известные старообрядческие общины. Во власти государства было назвать любой из них главным иконным музеем страны и заполнить национализированными сокровищами. Решением

Наркомпроса выбор вначале пал на Исторический музей, Третьяковке же государство в то время определило специализацию в светской русской живописи XVIII–XIX веков.

ГЛАВА 2. ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Грандиозное пополнение. «Преступление» Александра Анисимова. Позорное судилище. Ненужный отдел. У декольтированных дам и звездных кавалеров. Что есть истина? Ключ судьбы

Возможно, в выборе Исторического музея в качестве основного иконного музейного хранилища страны сыграло роль то, что он к тому времени уже имел многотысячную коллекцию религиозных древностей, подаренную купцом и собирателем *Петром Ивановичем Щукиным*, а его директором был *Николай Михайлович Щекотов*, стоявший у истоков изучения русской иконы. Кроме того, созданный в начале 1920-х годов отдел религиозного быта Исторического музея возглавлял один из самых энергичных деятелей Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи *Александр Иванович Анисимов*. Возможно, однако, и то, что чиновники в Наркомпросе, принимавшие решение о выборе Исторического музея в качестве главного иконного хранилища, все еще находились в плену традиционных представлений об иконе как историческом, бытовом и религиозном